

А ВПЕРЕДИ
ЕГО ЖДАЛА СУДЬБА

Т М
М А К
ВПЕРЕДИ
ВЕГОЦ
ИЖДАЛА
СУДЬБА
А Т Н Б К Т
С Л Ш М Ю Б И
Е К Ю Л И Ы Н
Н К И Б М Ш Ъ Б
Ш И Н К М И Ъ С
И Ж Д А Л А

ВЛАД ИСЛАВ

Влад Ислав

А впереди его ждала Судьба

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48507874

ISBN 9785005069931

Аннотация

Может ли любовь изменить пространство и время? Под силу ли Великому чувству преодолеть преграды на пути к счастью? Какое значение имеют категории случая и выбора в жизни героев? Автор предлагает читателю составить собственное мнение и найти ответы на вопросы в книге «А впереди его ждала Судьба».

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРЕДЧУВСТВИЕ	5
Мысли о прошлом	5
Коридор, двери, комнаты	7
Фантазиум	8
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОБРАЗЫ	12
Та, которая была здесь еще вчера...	12
13—48	15
Вопреки	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

А впереди его ждала Судьба

Влад Ислав

© Влад Ислав, 2019

ISBN 978-5-0050-6993-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

А ВПЕРЕДИ ЕГО ЖДАЛА СУДЬБА

Моей Стасе

Влад Ислав

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРЕДЧУВСТВИЕ

Мысли о прошлом

Давно хотел написать об отношении человека к своему прошлому и наследию, которое он там оставил. Вопрос, по моему скромному мнению, узловой в понятии человеческого счастья. Кто-то живет прошлым, кто-то время от времени проваливается в него, кто-то его отвергает, говоря, что оно мертво. Прошлое заставляет нас доверять или не доверять, гордиться или быть скромным, радоваться или грустить. Так что же это? Я где-то слышал, что мы по жизни, словно пассажиры поезда, мчащегося вперед, но сидящие спиной к направлению движения. Все что нам остается – доли секунды реальности и глыба прошлого.

Иисус, Леонардо да Винчи, Ленин, – их нет, но их прошлое стало частью нашего, так или иначе. И многие из нас хотели бы попасть в прошлое последующих поколений. Но я не могу понять зачем. К примеру, допустим, что есть сверхталантливый актер (клерк, дворник, президент), но он не реализовал свой потенциал, а что изменится? Да ничего. А если он реализовался? И что? Кто-то скажет о нем: «Да, он та-

лантлив, гений». Довольствоваться удовлетворенным самолюбием? Сказать себе: «Да я прожил жизнь так, как хотел, не предав свой интерес». И это все? Это есть смысл существования? Если выразиться более благородно, то можно говорить о взаимопомощи, как смысле. Это прекрасно, но этого, по-моему, слишком мало, чтобы затевать человеческую жизнь.

Если же кто-либо живет будущим, он вскоре в глазах окружающих становится расчетливым ханжой, таким накопителем, который умрет, не использовав накопленное (это не только о деньгах).

Конечно, все едино: и прошлое, и настоящее, и будущее; каждый человек имеет свою цель в жизни. Вселенская глупость, помогающая не печалиться. Нет цели, нет смысла, нет законов, нет морали. Люди – холсты, на которых рисуют другие люди красками цивилизации.

И все-таки, какое значение имеет прошлое? Прошлое одной жизни: моей, твоей. Мы можем сказать, чего мы стоим, чего достигли? Нет, ибо не нашлось еще того, кто определил бы истинные смыслы.

Конечно, прошлое это опыт, информация для существования, это и есть мы. Прошлое – это мы, это наше невидимое тело, но вопрос для меня остаётся открыт, и, думаю, будет открыт ещё очень долго.

Коридор, двери, комнаты

Передо мной длинный коридор. По обе стороны много дверей. Я открываю их – в комнатах пусто, я открываю следующие – то же самое. Потом появляются люди, они вносят в комнаты свои вещи, все идут и идут, они обустраивают почти все комнаты. Я стою и смотрю на них: чувствую, что сейчас все изменится, и пустынное здание станет живым, наполненным чем-то новым в худшем случае. И я снова иду по этому коридору, иду только вперед, потому что правилами игры запрещено движение назад. И я снова открываю все двери, встречающиеся на моем пути. Передо мной рисуются все новые и новые интерьеры, и я слышу одни и те же слова, адресованные мне разными голосами новых хозяев комнат: «Это сделал я! Это принадлежит мне!»

И вот я уже просто шагаю по шахматному полу коридора вперед, я не хочу открывать двери, где меня никто никогда не будет ждать и никто никогда не ждал. С грустью вспоминаются пустые комнаты, которые были раньше. Тогда я открывал каждую последующую дверь с надеждой найти что-то чудесное. Сейчас же я был бы рад просто пустой комнате.

Фантазиум

Сегодня воскресенье, день-предвестник новой недели, месяца, года, жизни... Сколько раз я преодолевал этот рубеж и внушал себе, что все изменится завтра? И я засыпал с мыслями о прекрасном будущем, о моем прекрасном будущем, но, как ни странно, я не видел продолжения во сне ни разу, а утро развеивало все мысли, как развеивают туман солнечные лучи. Передо мной представала серая глыба под названием «сегодня», похожая на «вчера», «позавчера», «год назад». Меняются декорации, окружающие, темы разговоров, но понимаю, что я прежний. Я только подстраиваюсь под свою жизнь, приобретая опыт, часто бессмысленный. И, кажется, я даже смирился с положением вещей...

Открываю глаза. Утро. Не знаю, сколько времени, и мне это не важно. Заказываю завтрак в номер и стараюсь привести себя в порядок, что мне удастся с трудом, хотя и это не слишком беспокоит меня. Завтракаю.

В 12:00 выхожу из номера, иду к лестнице. Не знаю отчего, но лифт никогда не внушал мне доверия. Выхожу на улицу из отеля Ритц в Париже, ловлю такси и еду к Триумфальной арке. Днем я должен встретиться там с девушкой, с которой знаком лишь пару дней, но, кажется, что знал её вечность и никогда не забуду.

Её зовут Шанталь. Мы познакомились, как это ни стран-

но, на Пер-Лашез, где оба совершали паломничество к могиле Джима Моррисона в дождь. Оказалось, что сегодня только мы любим гулять под дождем. «Верхом сквозь ураган», – как бы выразился тот, к кому мы пришли. Возможно, это была любовь с первого взгляда, может быть что-то таинственное, что притягивало нас друг к другу, но все огни Парижа погасли перед этой девушкой.

Следующие два дня мы гуляли по городу. Днем отдали свое время Лувру, где, словно американские туристы, бежали по длинным залам и смотрели на величайшие произведения искусства так, как смотрит маленький ребенок на едущие мимо него автомобили, – когда каждый последующий отвлекает внимание от предыдущего. А может искусство бессильно перед любовью? Вечером мы стояли на смотровой площадке Эйфелевой башни, обняв друг друга, и молчали, смотря куда-то вдаль, в темноту вечернего неба.

Утром мы из Ритца мы отправились на Монмартр. На площади Пляс-де-Тертр было слишком людно, чтобы долго там оставаться. Мы купили две картины у одного художника, и пообещали друг другу, что каждый возьмет одну и будет хранить её вечно. На обеих картинах был изображен серый унылый пейзаж, похожий на тот, когда мы впервые встретились. После этого мы расстались, но завтра у Триумфальной арки в 14:00 мы должны снова увидеться.

И вот мы вновь встретились. Я снова ощутил то чувство, когда что-то обрел, что-то жизненно важное, то, что напол-

няет смыслом мое будущее, и мне безразлично, насколько мой смысл близок к истинному. Мы ловим такси и едем на Лионский вокзал, еще не зная, куда отправимся, но точно решив, что на юг, к морю.

Открываю глаза. Утро. Будильник играет ненавистную мелодию. 6:30. К восьми я должен быть на работе. Быстро встаю, холод обволакивает мое тело, но на это уже не обращаешь внимания. Я готовлю омлет, пью чай, собираюсь и выхожу из дома. Еду в автобусе пять минут, и за это время чувствую то непосильную усталость, то прилив бодрости. Трудно объяснить эти метаморфозы моего состояния, да и мысли быстро переключаются на другое: что же меня сегодня ждет на работе?

Отработав положенное время, я еду домой по тому же маршруту, и судьба сегодня распорядилась так, что на том же автобусе, только на другом месте. Вблизи дома покупаю продукты и быстрыми шагами направляюсь к своему подъезду. Войдя в квартиру, я несу продукты на кухню, раскладываю их по местам. Затем ложусь отдохнуть, и неожиданно в моем сознании возникают остатки видений и чувств. Мне видятся картины Парижа, девушка. Пытаюсь связать картины воедино, но у меня ничего не получается, – я не знаю, откуда это видение. С этими мыслями переодеваюсь, включаю компьютер, любимую музыку, проверяю почту: есть одно сообщение, но я не знаю адресата. Открываю его:

_____ Это был лишь сон. Шанталь _____

И вдруг все картинки разобранной мозаики становятся на место, и я вспоминаю, как был в Париже, как встретил там девушку, как был с ней. Это был сон, который оставил мне частички жизни, и я чувствую боль и разочарование, что не могу вернуться туда. В отчаянии бросаю звонящий мобильник. Он разбивается о стену, на которой таинственным образом появилась картина неизвестного художника с серым унылым пейзажем. На разбитом экране еле мерцают серыми точками номер телефона и имя:

_____ Шанталь _____

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОБРАЗЫ

Та, которая была здесь еще вчера...

В салоне маршрутки №11 стояла в ожидании и готовилась выйти девушка. Красивые черты лица, волнистые русые волосы, тонкий стан, чёрное платье, как завещала неподражаемая Коко. Остановка, брусчатка, Солнце. Защитных очков она не носила. Не считала нужным. Она не любила прятать глаза от других.

Вокруг гудела толпа. То и дело, мимо неё проносились люди, спешащие по одним им известным делам.

Этой ночью она видела сон. В нём не было условностей, не было обстоятельств непреодолимой силы, была лёгкость, была волнующая дрожь души, и всё во сне закончилось так прекрасно.

Она боялась разочарования. Боялась больше пустоты. Пусть я буду жить в мечтах! Кто сказал, что это время будет потерянным? Да! Пусть будет так, но я буду верна себе!

Во что она верила? А верила она в то, что мысли могут материализоваться; верила, что одно и то же можно увидеть, испытать, чувствовать не один раз. Много! Много раз! Если это приносит столько счастья, именно счастья, то много раз! Она верила людям. Верила больше, чем стоит доверять. Она

ошибалась. Жалела. И не жалела. Любила, ненавидела; равнодушие было чуждо ей, но порою, оно заменяло ей чувства.

Ей виделись чудеса. В обычных вещах. Многие не понимали и не ценили её, но какая разница? Значение имело лишь одно – сегодня. Именно сегодня. Именно здесь. Я должна быть здесь, – гремело у неё в мыслях, – ждать... У этого многоэтажного исполина, у этого кафе, у этого перекрестка.

Во сне она не видела его лица. А так ли это важно? Да, чёрт возьми! Это мучительно важно! В человеке всё должно быть прекрасно? Она плакала. Её мир должен быть другим. Не таким жестоким, не таким безразличным, не таким надменным.

Откуда ей было знать, что произойдет в следующую секунду? Она не хотела знать будущее, но в дождливые дни она хотела знать! Желала этого! Одна в пустой комнате с молчаливой мебелью желала! Просила всех, кого можно было просить, но утро скрывало от неё ответы, ставя всё новые вопросы.

Она не имела подруг. Всегда находились те, кто говорил с ней, близко подходил к её душе, но никогда не входил, не сумев подобрать последних цифр сложного, а может, и не сложного, а может, одной ей известного кода.

Мимо неё плыли лица, судьбы. Она всегда видела судьбы. Детали не уходили от её взгляда, – именно в них она находила смысл.

Шли годы. Многоэтажный исполин сбросил свои краски под лучами пляшущего на небе Солнца; кафе уже давно было заброшено; перекресток остался, но по нему уже не ездили автомобили; брусчатка была пуста. Девушки не было.

Он из её сна не пришёл...

Время не решает и не стоит ровным счетом ничего! Но в тот момент оно имело высокую цену, неподъемную для них. Он пришёл на час позже. Он знал, она была здесь! Была! Она еще здесь! Ведь это тот самый аромат духов из его сна! Нежный, едва уловимый!

Он будет ждать её всю жизнь...

Та, которая была здесь еще вчера... Продолжение

Ранним воскресным утром солнечные лучи, пронесшись сотни тысяч километров, в свой назначенный час ворвались в его жизнь, даря свет, тепло, день...

На столе белым прямоугольником сияла записка:

«Завтра вылетаю из Москвы в 11 часов».

Откуда ей было взяться в его квартире? На его столе, на котором кроме ужина еще вчера не было ничего. Он хорошо помнил, что оставил его убранным. От кого же она? Первая мысль, пронёсшаяся в его сознании, была: «в доме кто-то есть». Через 30 секунд эта версия была отмечена за несостоятельностью. Ключей от его квартиры не было ни у кого.

Внимательно осмотрев листок, он заключил, что это почерк женщины: ровный, каллиграфический, с сильным наклоном. Он ходил из комнаты в комнату, понимал, что опаздывает на работу, не сознавая факт реальности воскресенья – выходного для него дня.

Память о вчерашних событиях не давала никаких предпосылок и тем более ответов на таинственное появление письма.

Из необъяснимой обеспокоенности (записка, написанная

женщиной, не должна беспокоить мужчину, – уж точно не в этом конкретном случае) его вывел звонок будильника на столике у его постели. На часах было 13:48. Но он не заводил будильник! Может, это сон? Несколько ущипов, холодная вода в лицо, глаза в окно, – нет, это не сон. А может, часовой механизм неисправен, дал сбой? Или этот знак продолжение предыдущего?

Некто выезжает из Москвы в 11:00; 13:48... Он дописал это время на таинственной записке. Сопоставлять было бесполезно. Он играл в шахматы. Закономерностей не было.

Звуки, доносившиеся с балкона, успокаивали его. Шумел город. Он подошёл к двери балкона, сильным, уверенным движением распахнул её. Свежесть весеннего ветра ударила ему в лицо, а вместе с ветром пронёсся шквал голосов, твердящих все как один одно и то же: «Набережная. Каменная Лестница. Солнечные Часы». Ураганным порывом всё неслись и неслись эти слова в его комнату. В его жизнь.

Приложив немало усилий, он закрыл дверь. Остался шёпот. Далёкий, уходящий. Он звучал тонким голосом, готовым сорваться в любую секунду. Он запомнил этот голос.

Всё стихло.

Найдя старый учебник физики школьного курса (откуда только он у него?), он решил несколько простых задач, где ответом являлись постоянные величины. Значит, в сознании.

В дверь постучали. Никогда еще неожиданные гости

не были столь желанны им. А что если?.. Он вспомнил «Солярис» Станислава Лема. Многое сходилось. Не может быть! Только не с ним! Разве мог он всё это желать, вообразить? Мысли словно зависли в пространстве комнаты, мечась от стены к стене, не находя выхода.

Стук стал наглее, чаще, громче, нетерпимее.

Вторую половину дня он провёл с другом. По дороге домой зашли в маленькое кафе. Говорили мало.

Ничего необычного больше не происходило. И он не был этому рад. Нечто важное, знаковое, ключевое осталось незавершённым.

Домой он сразу не поехал. Думая о событиях сегодняшнего утра, он заметил, что чем полнее вступал в свои владения вечер, тем больше было в парке влюбленных пар. Он считал себя лишним на празднике под названием «Идиллия любви. Счастье».

Все его мысли занимал завтрашний день. Он решил быть в 13:48 у Солнечных Часов на Каменной Лестнице на Набережной. Его вера не была непоколебимой, жизнь приучила его к этому. В интуицию он не верил. А бессонная ночь всё продолжалась, отражаясь в окне полной Луной.

Утро принесло с собой дождь. На улице было прохладно.

Солнечные лучи запаздывали.

Он отправился на указанное ему знаками место задолго до ранее назначенного срока. Дождь не прекращался. Редкие прохожие, смотря только себе под ноги, старались укрыться в ближайших магазинах.

В 13:48 он увидел её. Он узнал её голос: она шептала его имя, крепко сжимая в дрожащем кулачке записку, мокрую от дождя, записку, написанную его Судьбой, на которой потёкшими чернилами ещё виднелась запись: «13.48, Набережная, Каменная Лестница, Солнечные часы». Почерк был его.

Вопреки

Отправление авиарейса «Москва – Лондон» задерживалось. Паузы, неожиданно появлявшиеся в её жизни, она не без удовольствия заполняла чтением. На этот раз её внимание было приковано к книге о великом и неподражаемом Антониони. Нет такого человека, который не получал бы удовольствия от совпадения его взглядов, возникших в результате собственного опыта, с видением мира признанных мастеров. Она улыбалась, читая о форме показа неуверенности и непредсказуемости современной жизни, об отсутствии привязки к таким привычным смыслам, но в тоже время она видела преисполненность смыслов, – идеях, так схожих с её пониманием режиссёрского авторского искусства.

Мужчина в сером костюме нервно расхаживал по залу, сопровождая каждый свой шаг нервной репликой на тему «XXI век, а порядка нет». Конечно же, в XXII, а тем более в XXIII веках рейсов не задерживают!

Недалеко от девушки мальчик и девочка лет пяти играли во взрослых пассажиров. Мальчуган, что есть силы, толкал перед собой внушительных размеров багаж, а девочка шла чуть впереди, разглядывая с любопытством всё вокруг.

Прошло около двух часов, а посадку не объявляли. На табло не было никакой информации. Такое случается, – подумала она. Хотелось спать.

– Кофе без сахара! – рявкнул мужчина в сером костюме, который всё еще был здесь.

Как можно пить кофе без сахара? Скорчив кислую гримасу, мужчина опроверг её сомнения. Хотелось на воздух.

Она не сразу услышала телефон. Звонила из института её научный руководитель итогового проекта. Повышенный тон, резкие оценки её работы и как следствие – чрезмерное волнение девушки. Разговор неожиданно оборвался гудками, а она всё держала телефон в руках, вслушиваясь в них, но не могла услышать ничего кроме сильного и частого биения своего сердца.

Она же обещала быть в Лондоне, но как быть? Что бы ни говорил научный руководитель, она сделала проект так, как видела проблему. Сделала его сознательно именно таким. Этот билет в её руках словно лакмусовая бумажка. Сдав его, на нём проявится клеймо поражения, а улетев, она победит, но какой высокой ценой! Возможно, ценой своего будущего.

Мысленно она назвала научного руководителя «Эйяфьядлайёкюдль».

Администратор на вопросы о рейсе мило улыбалась и воспроизводила заученные фразы, как воспроизводит их электронное пособие по изучению иностранного языка.

Пассажирам рейса «Москва – Лондон» объявили о начале регистрации. Мужчина в сером костюме побагровел от яр-

сти, от чего пиджак на нём из серого сделался малиновым, – этот цвет больше шёл мужчине. Причина очередного его приступа ярости – насущные потребности после выпитого кофе. Вернувшись, он оказался в самом хвосте очереди.

– Бедняжка, не дождалась совсем чуть-чуть, – подумала девушка с фотоаппаратом в руках о девушке с книгой, ушедшей только что.

Может, её просили остаться, как и меня? Хватит этих мыслей! Решено! Я лечу! И никакие причины не могут этому помешать! Даже он! Ах, он...

Девушка с фотоаппаратом не могла думать о чем-либо другом, кроме как о событиях её жизни, произошедших в последнюю неделю. Их встречи занимали её мысли.

Крепко сжимая фотоаппарат, девушка пыталась отвести мысли. Её мечта вот-вот осуществится! Скоро она будет в Ливерпуле – городе, так любимой ею легендарной музыкальной группы, увидит памятники Джону Леннону в аэропорту его имени, у входа в клуб Каверн, побывает в Музее Битлз в подвале Альберт-дока, увидит «Hard Day's Night Hotel», многочисленные памятники всей группы. Посидит на Стэнли Стрит рядом с Элеонор Ригби – местом-символом одиноких людей. Но имеет ли она право там быть? Одинока ли она?

Вчера она сказала ему, что улетает. Только вчера. Боялась сказать раньше. Вчера было поздно. Фрагменты ссоры осколками разлетелись в её памяти. Какой из осколков она увидит

следующий?

Девушка часто оборачивалась, смотря на выход. Придётся ли отказаться от мечты, если он придёт? Она чувствовала пожар в груди. Сомневалась. А что, если она должна ехать к нему? Что, если он ждёт её? А может, он загадал, что если она уедет, то всё кончено? О, нет! А было ли? Пламя, всё сильнее разгоравшееся в груди, говорило, что было.

На соседнем месте спал мальчик. Девочка тщетно пыталась сдвинуть тяжелый багаж.

Девушка с фотоаппаратом смотрела на билет, спрашивая у него, что же ей делать, но тот молчал, косвенно своей информационной частью отдавая преимущество Англии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.